

М. М. Кром, Л. А. Пименова

ФЕНОМЕН РЕФОРМ В ЕВРОПЕ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

(вместо предисловия)

В основу предлагаемого вниманию читателей сборника положены материалы международной конференции «Феномен реформ в Европе и России начала Нового времени (XVI–XVIII вв.)», проведенной 15–16 марта 2012 г. в Европейском университете в Санкт-Петербурге.

Замысел конференции возник на пересечении двух исследовательских направлений: истории понятий (в духе Райнхарта Козеллека) и исторической компаративистики. С одной стороны, нам казалось важным проанализировать само понятие реформ, связь дискурса и практики преобразований в разных странах Европы, а с другой — было интересно взглянуть на это явление в сравнительной перспективе. Можно ли говорить о реформах начала Нового времени (XVI–XVIII вв.) как общеевропейском феномене и, если да, то в чем заключалась специфика отдельных стран и регионов Европы?

Исходная посылка состоит в том, что реформы — это преимущественно феномен Нового времени. Для классического образа реформ, сложившегося уже в историографии XIX в. (не без влияния современных историкам политических реалий), характерны представления о сознательных мерах правительства (обычно облеченных в форму указов или законов), направленных на преобразование общества или какой-то его важной сферы, причем эти изменения связываются с развитием, прогрессом. Сама устремленность реформ в будущее («горизонт ожидания», как писал о понятиях переломной эпохи Р. Козеллек¹) и свойственный реформаторам дух новизны — приметы модерна. Однако

¹ *Koselleck R. „Erfahrungsraum“ und „Erwartungshorizont“ — zwei historische Kategorien // Koselleck R. Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. 3. Aufl. Frankfurt am Main, 1984. S. 349–375.*

в *раннее* Новое время, в XVI–XVII вв. (а кое-где и позднее), отношение к преобразованиям было иным.

В дискурсе XVI в. и на западе, и на востоке Европы новизна представлялась не благом, а скорее злом. Идеалы виделись не в будущем, а в прошлом. Кроме того, сфера политики не была отделена от религии и морали. Сам позднелатинский термин *reformatio* в Средние века мог применяться как к отдельному христианину в значении внутреннего возрождения, преобразования, так и ко всей церкви в смысле исправления имеющихся там злоупотреблений². «Отец Реформации» Мартин Лютер в послании «христианскому дворянству немецкой нации» (1520) писал об «исправлении» (*Besserung*) христианства и церкви³.

Интересно, что в Московии середины XVI в., где едва ли внимательно штудировали труды виттенбергского пророка, но к «лютеровой ереси» относились враждебно, говорили о внутренних преобразованиях практически в тех же выражениях, что и немецкий реформатор, причем тоже в религиозном контексте. Так, в послании Стоглавomu собору (1551) молодой царь Иван IV, напоминая митрополиту и другим архиереям о событиях предыдущего года, писал: «Да благословился есми у вас тогда же Судебник *исправити по старине* и утвердити, чтобы суд был праведен и всякие дела непоколебимо вовеки»⁴ (курсив наш. — М. К., Л. П.). Речь, таким образом, шла не о каких-то нововведениях, а об исправлении отдельных нарушений заведенных предками порядков. В том же послании царь просил участвовавших в соборе церковных иерархов «возвестить» ему, если они обнаружат, что некие обычаи «поисшатались» после смерти его отца, великого князя Василия Ивановича, или какие-то прежние законы «порушены», или нечто творилось в нарушение Божиих заповедей⁵.

² Rice E. F. The Foundations of Early Modern Europe 1460–1559. London, 1971. P. 122.

³ См. текст трактата на сайте Падерборнского университета: http://kw.uni-paderborn.de/fileadmin/kw/institute-einrichtungen/katholischetheologie/Personal/Fenger/Geschichte_und_Theologie_der_Reformation/An_den_christlichen_Adel_deutscher_Nation_von_des_christlichen_Standes_Besserung.pdf (последнее посещение: 8.01.2013). (Ср. рус. пер.: К христианскому дворянству немецкой нации об улучшении христианского состояния // Лютер М. 95 тезисов / сост. И. Фокин. СПб., 2002. С. 17–86.)

⁴ Емченко Е. Б. Стоглав: Исследование и текст. М., 2000. С. 252.

⁵ Там же. С. 253.

Нерушимость христианской веры, законов и обычаев страны, защитником которых объявлял себя русский царь, составляла основу государственности и на другом конце Европы — в католической Франции. Недаром Клод де Сейсель в своем трактате «Великая французская монархия», посвященном юному Франциску I (1519), особо подчеркнул обязанность короля быть «ревнителем и блюстителем веры и христианской религии»; еще одну «узду» для королевского своеволия, не позволяющую монархии превратиться в тиранию, Сейсель видел в «добрых законах, ордонансах и кутюмах»⁶.

К этому консервативному дискурсу, пронизанному ссылками на старину и религиозные заповеди, нужно отнестись со всей серьезностью, ведь он определял умственный горизонт эпохи, а, следовательно, и те рамки, в которых осуществлялись преобразования. По справедливому замечанию Р. Козеллека (развившему, в свою очередь, мысль И. Канта), «понятие является не только индикатором охватываемых им взаимосвязей, но и их фактором. Каждое понятие устанавливает определенные горизонты, но также и границы возможного опыта...»⁷.

Действительно, эти границы обнаруживаются, например, при обращении к административным преобразованиям 30–50-х гг. XVI в. в России, которые историки привычно называют «реформами». При ближайшем рассмотрении выясняется, однако, что даже хронология таких важных мероприятий, как монетная и губная реформы, не поддается однозначному определению; молчание источников, словно не замечающих нововведений, заставляет исследователей реконструировать цели, логику и последовательность правительственных шагов, исходя из своих общих представлений об изучаемой эпохе. Более того, до сих пор не удалось отыскать ни одного настоящего русского реформатора XVI в., с инициативой и деятельностью которого можно было бы уверенно связать то или иное государственное преобразование⁸.

⁶ Цит. по: *Richet D. Le royaume de France au XVIe siècle // Richet D. De la Réforme à la Révolution. Etudes sur la France moderne. Paris, 1991. P. 363.*

⁷ *Koselleck R. Begriffsgeschichte und Sozialgeschichte // Koselleck R. Vergangene Zukunft. S. 120.*

⁸ Подробнее см.: *Кром М. М. Хронология губной реформы и некоторые особенности административных преобразований в России XVI века // Исторические записки. Вып. 10 (128). М., 2007. С. 373–397; Он же. Les réformes russes du XVIe siècle: un mythe historiographique? // Annales. Histoire, Sciences Sociales, 64e année. 2009. N° 3 (mai–juin). P. 561–578; Он же. Религиозно-нравственное*

При всем при этом не вызывает сомнений тот факт, что XVI столетие в России стало эпохой очень значительных изменений и в структуре центрального и местного управления, и в положении многих социальных групп. Но эти перемены, за редкими исключениями, не фиксировались летописцами, равнодушными к административной рутине и повседневному хозяйственным заботам. А сами правительственные меры, часто противоречивые и непоследовательные, носили характер экспериментов и методом проб и ошибок вводились сначала на отдельных территориях и лишь постепенно охватывали всю страну. По-видимому, описанную ситуацию можно считать характерной для перехода от патримониального (вотчинного) управления к государству раннего Нового времени. Что-то подобное наблюдалось и в других странах, хотя необязательно в том же столетии, что и в России.

В большинстве европейских стран XVI в. — время не только церковной Реформации, но и серьезного преобразования важнейших властных институтов. В целях стабилизации и усиления государственной власти правители создавали новые органы центральной и местной администрации, реформировали судебную систему, финансы и порядок сбора налогов.

Однако всевозможные нововведения не трактовались современниками в качестве таковых, а преподносились, напротив, как возврат к традиционному порядку. Английский парламент, отказывая римскому престолу в праве судить по апелляциям дела, рассматривавшиеся в церковных судах Англии, ссылаясь на «свидетельства истории», на законы и ордонансы прежних королей со времен Эдуарда I и на то, что король Англии всегда обладал властью судить любые дела в последней инстанции⁹. Когда в 1516 г. французский король Франциск I заключил с папой Львом X Болонский конкордат, давший монарху право назначать епископов по своему усмотрению и получать доходы с вакантных церковных бенефициев, эти новации обосновывались как соответ-

обоснование административных преобразований в России XVI века // Religion und Integration im Moskauer Russland. Konzepte und Praktiken, Potentiale und Grenzen. 14.–17. Jahrhundert / Hg. von Ludwig Steindorff. Wiesbaden, 2010 (Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 76). S. 49–64; *Он же*. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., 2010. Гл. 11, особенно С. 564–596.

⁹ Акт об ограничении апелляций к Риму, 1533 // Английская реформация (Документы и материалы) / под ред. проф. Ю. М. Сапрыкина. М., 1990. С. 14–15.

ствующие нормам канонического права¹⁰. Негативное отношение к нововведениям имело теоретическое обоснование. Основоположник учения о французской монархии Жан Боден, говоря об изменениях в государстве, трактовал их в русле аристотелевской парадигмы как переход к иной, обычно — в силу испорченности человеческой природы — худшей форме правления: от монархии — к тирании, от аристократии — к олигархии, от демократии — к охлократии. В конечном счете такие перемены способны привести к гибели государства. «Важнейшее замечание Аристотеля, — заключает Боден, — предостерегает нас от изменений чего-либо в государстве, процветающем долгое время в устоявшейся форме»¹¹.

Итак, первый комплекс проблем, который стал предметом обсуждения на нашей конференции, касается взаимосвязи и взаимовлияния понятий, дискурса, идеологии — с одной стороны, и практики преобразований — с другой. Быстрые изменения всех сфер жизни при постоянных заверениях себя и других в верности религиозным заповедям и обычаям предков — в этом видится главный парадокс реформ начала Нового времени, некое присущее им внутреннее противоречие. Разумеется, данный феномен необходимо рассматривать в динамике: уже XVII столетие во многих отношениях отличается от предыдущего XVI, не говоря уже о веке Просвещения. Так, мотивировочная часть, почти полностью отсутствующая в русских законодательных актах XVI в., получила значительное развитие в следующем столетии. При этом наряду со ссылками на челобитья купцов или служилых людей и на решения прежних царей в законодательстве последних десятилетий XVII в. появился и новый для России, но давно уже ставший привычным в Западной Европе мотив общего блага. Так, в Соборном деянии об отмене местничества от 12 января 1682 г. торжественно провозглашалась необходимость искоренять всё, что ведет «ко погибели и общаго добра к умалению»; называлась и позитивная цель предпринимаемой реформы: улучшение «ратного управления» и иных государ-

¹⁰ Плешкова С. Л. Франция XVI–XVII века: королевский галликанизм (церковная политика монархии и формирование официальной идеологии). М., 2005. С. 33–46.

¹¹ Боден Ж. Метод легкого познания истории / пер. М. С. Бобковой. М., 2000. С. 237.

ственных дел «устроение» «для общей высоких и меньших чинов всего... царствия пользы»¹².

Параллельно с развитием реформаторского дискурса происходило расширение политического поля: большие социальные группы (служилые люди, купцы) через своих представителей добивались принятия важных законодательных мер и участвовали в их обсуждении. Если имена составителей Судебника 1550 г. и история создания этого памятника, по-видимому, так и останутся загадкой для исследователей, то все этапы подготовки Уложения 1649 г. хорошо известны, поскольку проходили публично: от подачи царю 16 июля 1648 г. на Соборе челобитной с просьбой о составлении нового свода законов и создания для этой цели специальной комиссии во главе с боярином Н. И. Одоевским — до завершения редактирования кодекса на заседании Собора 29 января 1649 г.¹³

Тем временем в Западной Европе понятие «реформа» постепенно становится элементом политического дискурса. В таком известном трактате XVII в., как «Политическое завещание» кардинала Ришельё, реформам посвящена добрая половина текста, озаглавленная «О преобразовании различных сословий государства» (*De la réformation des divers ordres de l'Etat*). Правда, говоря о необходимых, с его точки зрения, реформах (*réformations*) в положении духовенства, дворянства, чиновников, народа, о реформах в системе управления государством, Ришельё постоянно употребляет выражения «исправление», «прекращение беспорядка», «устранение злоупотреблений», «излечение недугов», «наведение порядка», т. е. реформы выглядят у него не нововведениями, а восстановлением нарушенного гармоничного состояния¹⁴. При этом в практической государственной деятельности он не оглядывался на традиции и, руководствуясь сформулированным им принципом «государственных интересов» (*la raison d'Etat*), решительно реформировал военную и провинциальную администрацию, урезал права парламентов. Период Тридцати-

¹² Постановление собора 1682 г. об отмене местничества // Хрестоматия по истории СССР XVI–XVII вв. / под ред. А. А. Зимина. М., 1962. С. 505, 506.

¹³ О составлении Уложения см.: Маньков А. Г. Уложение 1649 года — кодекс феодального права России. Л., 1980. С. 42–52.

¹⁴ *Richelieu A.-J. Testament politique*. Paris, 1947; рус. пер.: Ришельё А.-Ж. Политическое завещание / пер. с фр. Л. А. Сифуровой; под ред. Л. Л. Головина. М., 2008.

летней войны (1618–1648) во всех участвовавших в ней странах с неизбежностью стал временем реформ. Возросшие расходы на содержание и вооружение больших армий требовали увеличения налогов, упорядочения их сбора и создания в целом эффективного и централизованного аппарата управления.

Произошедший в результате Реформации раскол христианского мира и — как следствие — рождение светской политики, а также секуляризация представлений о государстве и монаршей власти вели к тому, что стихийная реформаторская практика получала теоретическое оправдание и обоснование. В государстве-Левиафане, которое не является незыблемым божественным установлением, а создается самими людьми на основе общественного договора, суверен как носитель коллективной воли получает абсолютную власть принимать любые решения и устанавливать законы на благо народа. Правящая элита Нового времени стремится играть в обществе дисциплинирующую и цивилизующую роль.

В сознании правителей утверждается представление о том, что преобразования являются важной и необходимой частью практики управления. Людовик XIV во Франции реформирует структуру и компетенцию Королевского совета и главных ведомств, управление финансами, налоговую систему, полицию, гражданское и уголовное право, «фундаментальные законы» о престолонаследии. И все это, по словам короля, делалось во имя счастья подданных: «Мы должны думать о благосостоянии подданных больше, чем о нашем собственном <...> Только исходя из их собственных выгод, мы должны дать им законы; и та власть, которую мы имеем над ними, должна нам служить лишь для того, чтобы работать все эффективнее для их счастья»¹⁵. В рамках складывающейся в эпоху научной революции механистической картины мира возникает новое представление о правителе. На смену образу монарха-отца большого семейства приходит образ правителя-администратора, исполняющего «ремесло короля».

Так постепенно вызревало окончательно оформившееся уже в XVIII в. и связанное с распространившейся в это время идеей прогресса представление о реформе как об улучшении, движении вперед. «Век реформ» начался с преобразований на разных концах Европы: во Франции после смерти Людовика XIV регент гер-

¹⁵ Цит. по: *Блюш Ф.* Людовик XIV / пер. с фр. Л. Д. Тарасенковой, О. Д. Тарасенкова. М., 1998. С. 139.

цог Филипп Орлеанский меняет систему центральной администрации (введение «полисинодии») и предпринимает смелые экономические эксперименты, а в России рубеж XVII–XVIII вв. — это эпоха петровских реформ, которым посвящено несколько статей сборника. Петр I стал в XVIII в. для многих европейцев «идеальным типом» монарха-реформатора, чьи разум и воля способны направить отсталую страну на путь цивилизации и превратить ее в великую державу. По словам Вольтера, «Россия всем обязана Петру Великому <...> Он поборол природу везде: в своих подданных, в себе самом, на суше и на водах, — однако поборол ее с тем, чтобы ее украсить <...> Законы, внутреннее управление, внешняя политика, военная дисциплина, флот, торговля, заводы, науки, изящные искусства — все усовершенствовалось сообразно его видам»¹⁶. Вольтер своей оценкой выразил не просто характерное для эпохи Просвещения восприятие петровских реформ, но и вообще представление о государственном деятеле, который проводит преобразования во всех сферах жизни общества, согласно своим знаниям и идеалам, подчас преодолевая при этом сопротивление народа, ради его же блага. Сложился, таким образом, тип просвещенного реформатора, призванного преобразовать, дисциплинировать и направить общество по пути прогресса. Так действовали А.-Р.-Ж. Тюрго во Франции, император Иосиф II Габсбург и целый ряд других реформаторов XVIII в. Но во второй половине века появился и иной тип реформатора (например, Ж. Неккер во Франции) — политика, отвечающего на запросы общества и потому действующего с оглядкой на общественное мнение.

Наибольший всплеск реформаторской деятельности пришелся на 1740–1780-е гг. Реформы проводились тогда в подавляющем большинстве европейских стран и затронули, пожалуй, все сферы государственной и общественной жизни: администрацию, право, судопроизводство, пенитенциарную систему, экономику, финансы, культуру, образование, государственно-церковные отношения. Эта политика получила в историографии XIX в. наименование «просвещенного абсолютизма». В своей реформаторской практике монархи и министры могли руководствоваться как доктриной камерализма, так и идеями Просвещения. Появились

¹⁶ Вольтер. Из «Истории Российской империи при Петре Великом» (*Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand*) // *Он же*. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2. М., 1998. С. 513, 534.

многочисленные реформаторские проекты, которые имели широкое хождение и создавали общественное мнение, положительно настроенное к реформам.

Центральная для данного сборника тема соотношения практического опыта реформ и его осмысления на уровне слов и понятий раскрывается в статьях, объединенных в две рубрики (деление здесь, конечно, весьма условное). В одной из них, открывающей собой книгу, акцент сделан на прагматике преобразований (В. А. Аракчеев, П. Ю. Уваров), нереализованных проектах (С. Е. Федоров), взаимосвязи политических концепций (включая различные толкования самого слова «реформа») и результатов реформаторской политики правительства (Л. А. Пименова); а в другой основное внимание уделено риторике преобразований и языку, с помощью которого реформы оправдывались и пропагандировались (статьи О. Е. Кошелевой и Е. Н. Наседкина, Ю. Нурдина, Ф. Минара).

Готовность общества к переменам, реакция разных социальных слоев на проводимые преобразования — таков был еще один важный вопрос в программе нашей конференции. Рассмотрению различных аспектов этой проблемы на материале Испании и Португалии, Германии и России начала Нового времени посвящен самый большой раздел публикуемого сборника.

Трансферы, т. е. заимствования проектов и моделей преобразований, весьма многочисленные в XVII–XVIII вв., могут служить еще одной приметой модерна. И хотя все три примера подобных трансферов, анализируемые в настоящем сборнике, имеют отношение к России, приведенные данные, подчеркивая многообразие иностранных образцов и векторов заимствования, неопровержимо свидетельствуют о транснациональном, общеевропейском характере изучаемого явления. При всей специфике преобразований в том или ином государстве практически повсюду реформаторы охотно обращались к международному опыту, искали подходящие образцы в обширном репертуаре идей и моделей, созданных в разное время и в разных странах Европы.

Наконец, заключительный раздел сборника посвящен проблеме появления самих реформаторов. Как уже говорилось, творцы так называемых реформ в России XVI в. нам неизвестны. А в XVII столетии появляются и мудрый законодатель князь Н. И. Одоевский, и автор Новоторгового устава 1667 г., радетель государственной пользы А. Л. Ордин-Нащокин... По-видимому, постепенный переход от патримониального управления к модерному

государству, формирование сферы публичной политики и появление «настоящих» прожектеров и реформаторов — это составляющие одного и того же процесса. Думается, что направленность и конечные результаты данного процесса — возникновение феномена реформаторства в знакомых нам «классических» формах — были сходны на западе и на востоке Европы, хотя отдельные фазы описываемой эволюции могли прийти в разных странах на разные десятилетия, а то и столетия.

Публикуемые статьи представляют собой исправленные и дополненные версии докладов, прочитанных на конференции в марте 2012 г. Выступления в дискуссии публикуются в том виде, в каком они прозвучали, за исключением необходимой стилистической правки. Кроме того, редколлегия решила дополнить материалы конференции, включив в сборник две новые статьи: одна из них, принадлежащая перу Филиппа Минара, была напечатана несколько лет назад в журнале *Revue d'histoire moderne et contemporaine* (2009, n° 4 bis) и публикуется здесь в русском переводе с разрешения автора и издательства «Белэн», которым мы выражаем искреннюю признательность. Другая статья была написана Жаном-Фредериком Шобом специально для данного сборника.

Считаем своим приятным долгом поблагодарить ФГУП «Гознак» за финансовую помощь, которая сделала возможным и проведение конференции по истории европейских реформ XVI–XVIII вв., и издание настоящего сборника.

Мы благодарим также Маргариту Михайловну Дадыкину за большую работу по организации конференции и подготовке сборника к печати и Екатерину Эдуардовну Юрчик за терминологические консультации при редактировании перевода статьи Ж.-Ф. Шоба.